

ИСЛАМСКИЕ ЛИДЕРЫ ВОЛГО-УРАЛА И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-Х ГОДОВ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

ГУСЕВА

Юлия Николаевна

доктор исторических наук,
доцент, Самарский филиал Московского
городского педагогического
университета (443081, г. Самара,
ул. Стара Загора, 76).
E-mail: j.guseva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема участия национально-религиозных лидеров Волго-Урала в международных мусульманских конгрессах 1920-х годов, их взаимодействие с яркими представителями мусульманского мира. Используя широкий спектр архивных материалов, автор пытается сделать вывод о характере и эффективности их деятельности в контексте внешнеполитических усилий Советской России в странах Востока и Западной Европы.

Ключевые слова: российские мусульмане, исламская элита, Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ), Восточный отдел ОГПУ, внешняя политика Советской России.

Усиление «мусульманской» составляющей региональных и глобальных политических и идеологических процессов активизирует исследовательский интерес к историческому опыту консолидации исламского мира, а также к публичной (в том числе, т.н. «народной») дипломатии национально-религиозных лидеров в предшествующие периоды. Внешнеполитические усилия Советской России первого постреволюционного десятилетия способствовали выходу на геополитическую арену наиболее одаренных и активных представителей российского тюрко-исламского истеблишмента.

Пересечение геополитических интересов Великобритании и СССР в Афганистане, Индии, на территории будущей Саудовской Аравии, движение за восстановление халифата содержали в себе потенциальную (гласную или негласную) возможность для участия тюрко-мусульманской элиты Советской России в международных мероприятиях, акциях. Учитывая явную слабость советского режима в Средней Азии, на Кавказе и установку на «пробуждение Азии», участие представителей «русских мусульман» в международных мусульманских съездах,

совещаниях и пр. могло усилить не только позиции советского государства в исламском мире, но и способствовать успешному позиционированию самого российского мусульманского сообщества. Так, выходу деятелей Центрального духовного управления мусульман и подконтрольных ему имамов на международную арену также способствовали и относительная «мягкость» советской «исламской» политики, и активизация национально-политических движений в странах Востока.

Советская Россия и ее европейские *vis-a-vis* включились в борьбу за усиление своих позиций в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и других регионах Азии. Широко известно, что Великобритания активно поддерживала идею халифата с последующей передачей титула халифа одной из стран, с которой у нее были доверительные отношения (Индия, королевство Хиджаз и пр.). В свою очередь, в 1920 году Коминтерн также высказывался за созыв «Всемирного мусульманского конгресса» с задачей «пробуждения Востока» и борьбы с мировым империализмом¹, что, по сути, отражало сходную с английской заданность на геополитическое доминирование на Ближнем и Среднем Востоке.

Российские мусульмане в общемусульманском движении могли стать выразителем идей, направленных на сопротивление британскому доминированию, или же, наоборот, «работающих» на усиление сепаратизма различных регионов Советской России. Учитывая явную слабость советского режима в Средней Азии, на Кавказе, включение представителей «русских мусульман» в состав делегаций, направлявшихся в страны Востока с особыми поручениями (миссия Г. Ибрагима) или на международные мусульманские конгрессы и съезды (М. Бигиев, Р. Фахретдин), могло принести желаемые результаты.

Не случайно к 1923 году в документах центрального комитета партии, Наркомата иностранных дел (НКВД) и Восточного отдела ОГПУ (ВО ОГПУ) появляется идея о систематическом использовании мусульманского духовенства при решении различных вопросов внешней политики в странах Востока². Этим годом датируется обращение к Ем. Ярославскому от главы НКВД Г. Чичерина о возможности и перспективах использования мусульманского духовенства «как политического орудия» в целях «укрепления политической линии» Советского государства в Персии³. 22 октября того же года начальник Восточного отдела ОГПУ Я. Петерс писал Ем. Ярославскому: «В своей активной работе по мудуховенству мы всегда учитывали то, что положительные результаты этой работы /воззвания, сочувственные резолюции и т. д./ смогут быть использованы и за рубежом. Но всесторонне и глубоко вопрос об использовании мудуховенства для зарубежного влияния встал перед нами сравнительно недавно в результате переписки с НКВД. Эти

¹ Ислам и советское государство. Вып. 1: (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) / вступ. ст., сост. и коммент. Д. Ю. Арапова и Г. Г. Косача. — М.: ИД Марджани, 2010. — С. 15.

² РГАСПИ. — Ф.89. — Оп.4. — Д.117. — ЛЛ. 2–6.

³ Там же. — Л. 2.

специальные задания НКВД ставят перед нами задачу особо быстрого и значительного расширения работы»¹.

Тактика временного союза так обозначены в документах разведки: «Советская власть, конечно, по некоторым политическим соображениям не могла оттолкнуть от себя политдеятелей (политических деятелей-Ю.Г.) мусмира, а они, в свою очередь, выдвинули лозунг «через Советскую власть к освобождению мусульман»².

Обе стороны не отказывались от сотрудничества, осознавая его взаимовыгодность. Архивные материалы ВО ОГПУ дают нам некоторое представление и вовлечении и активности ряда крупных российских мусульманских лидеров на международной арене. К примеру, в первые постреволюционные годы Габдерашит (Рашит) Ибрагимов шел на контакт с новой властью, видя в ней потенциального союзника. «В 1919 году по поручению Наркоминдела отправляется небольшая экспедиция во главе с известным лидером панисламистов Рашид-Кази (Ибрагимовым — Ю.Г.) в Поволжье и на Восток с призывом бороться с оружием в руках против Английского империализма на мусульманском Востоке»³.

Одним из наиболее ярких представителей мусульманского мира России того периода, за которым власти внимательно следили и могли привлечь для решения конкретных задач, являлся Муса Джаруллах Бигиев, авторитетный богослов и политик, известный далеко за пределами России.

Внимание властей было приковано к активности этого религиозного деятеля в отношении различных «мусульманских» районов Советской России и бывшей империи⁴. Особо тесные связи, по разным свидетельствам, Бигиев поддерживал с махалля выходцев из России, проживавшими в Гельсингфорсе (Хельсинки), Тампере. Систематическим было общение с Берлином, в котором были сосредоточены наиболее деятельные и авторитетные представители мусульманской эмиграции-выходцы из Российской империи⁵.

Весьма насыщенным было общение Бигиева с турецкими единоверцами. В бигиевском письме от 8 октября 1923 года к имаму г. Казани Амирханову, содержалась инициатива, исходившая от Великого Национального Собрания Турции, относительно проведения сбора средств в пользу «семейств турецких возвращающихся из Грузии и Балканского острова для заселения турецких областей, взамен выселяемых римлян и армян из территории Турции. Турция сама, как истощенная едва ли может обеспечить прибывающие семейства, которых насчитывается в одной лишь Греции около 700 тысяч семейств и которые должны быть пересланы в пустые степи Турции. Письмо это является обращением за них о материальной помощи им и также с призывом к муллам о без-

¹ Там же. — ЛЛ. 5–6.

² ЦА ФСБ РФ. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 689.

³ ЦА ФСБ РФ. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 689. — Л. 2.

⁴ О его активности подробнее см.: Хайрутдинов А. Г. Муса Джаруллах Бигиев. — Казань: изд-во «Фен» Академии наук РТ, 2005.

⁵ Гайнетдинов Р. Б. Тюрко-татарская эмиграция: начало XX века — 30-е годы: Исторический очерк. — Наб. Челны: Камский изд. дом, 1997.

отлагательной помощи наподобие христиан, которые сразу отозвались на зов выселяемых христиан из пределов Турции»¹.

Даже поверхностное ознакомление с некоторыми аспектами зарубежной деятельности М. Бигиева дает основания считать его одним из наиболее явных претендентов на участие в «народной» дипломатии Советской России. Широта связей, определенный авторитет в международных исламских кругах, личная одаренность могли быть поставлены на службу государству и национально-религиозной элите и мусульманам страны.

Однако мы наблюдаем неоднозначную картину. В конце 1923 года сложилась весьма неприятная лично для Бигиева и мусульманского сообщества страны ситуация, когда богослову не только запретили выезд на Всемирный мусульманский съезд в Калькутту (должен был состояться в декабре 1923 года), но и арестовали. При этом уже вскоре он был отпущен, а в 1926 году, чуть позже, чем другие, присоединился к российской делегации на Мекканском конгрессе.

Действительно неудачей закончилась попытка М. Бигиева выехать в конце 1923 года на Всемирный мусульманский съезд в Калькутте, который созывался по инициативе Великобритании. Основная идея конгресса заключалась в объединении исламских государств под лозунгом халифата: «Основным вопросом съезда и лозунгом, под которым он будет проходить, является объединение мусульман всего мира. Этот лозунг сейчас имеет большой отклик и этим следует объяснить то сближение, которое существует между находящимися здесь (в Калькутте — Ю.Г.) послами, которые регулярно встречаются и обмениваются информацией»². «...Калькуттский съезд рассматривают как подготовительный к съезду в Турции... Калькуттский съезд будет носить главным образом декларативный характер. Главной целью его является примирение шиитов и суннитов, подготовительные меры к созданию мирового мусульманского халифата. Весной же 1924 года в Константинополе предполагается второй съезд, на котором будут рассматриваться более практические вопросы»³.

В конечном итоге съезд не состоялся, однако подготовка к нему шла полным ходом. В списке из 19 делегатов (октябрь 1923 года) на всемирный мусульманский конгресс в Калькутте, от «русских мусульман» Волго-Уральского региона значились семеро: «от башкир — Абдурашитов, Валидов, Ишмурзин⁴; от уфимских татар — мулла Исхаков; от мусульманской культурной интеллигенции в России Гаяз Исхаков⁵, Апанаев⁶

¹ ЦА ФСБ РФ. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 662. — Л. 7.

² ЦА ФСБ РФ. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 731. — Л. 4.

³ Там же. — Л. 7.

⁴ В комментариях значилось: «племянник Абухади Ишмурзина, проживает за границей третий год».

⁵ Исхаков (Исхаки) Гаяз (Мухамметгаяз) (1878–1954) — писатель, журналист, деятель татарского национального движения. С 1918 года находился в эмиграции, в рассматриваемый период, вероятно, проживал в Германии. 1 Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe*. Cambridge, 1985. P. 141, 143–144.

⁶ Это был один из представителей крупного клана казанских купцов, предпринимателей, религиозных и общественных деятелей Апанаевых: Мухаммадбадретдин Абдулкаримович (1867 — после 1937) или Абдулла Мухамметюсупович (1873–1937).

и Акчурина¹». В ноябре 1923 года должен был получить делегатский мандат еще один член Центрального Духовного Управления³.

Муса Бигиев собирался выехать на Калькуттский съезд как частное лицо и для этого в конце сентября-начале октября ходатайствовал в Наркомат иностранных дел о выдаче ему визы⁴. Однако, как известно, в ноябре 1923 года он был арестован и одним из центральных предъявленных общественному деятелю обвинений стала его приверженность идеям т. н. панисламизма, под которым подразумевалось объединение всех мусульман под политическими и религиозными лозунгами⁵.

Отметим, что, судя по бигиевским заявлениям и трудам⁶, вопрос об усилении позиций национально-религиозной элиты российских тюрок-мусульман должен был быть решен за счет привлечения к ним внимания широкой зарубежной общественности, мусульманской эмиграции, активизации их внешнеполитических контактов и включения в мировые процессы. «Мусульмане всей земли, объединяйтесь!» — идея объединения всех мусульман под началом новой Турции, государства — главы исламского халифата, «обеспечивающее интересы и процветание мусульман и их независимость», которую старательно пропагандировал Бигиев⁷.

Концепция халифатизма, равно как и особый статус и права, на которые могло претендовать мусульманское сообщество России, закрепить и отстаивать которые можно и должно было, опираясь на ЦДУ и поддержку зарубежных единоверцев, — не только не совпадали с интересами государства, но и шли вразрез с его внутри- и внешнеполитическими интересами.

Кроме того, отстаивание идеи неделимости Турции как «государства-хранителя ислама», поддержка идеи халифатизма и турецких национальных движений, активное влияние высших религиозных органов мусульман России на происходящие в стране и мире процессы — все это при реальном воплощении идей М. Бигиева расширяло рамки активности «мусульманских наций» до масштабов вмешательства в складывавшуюся систему государственно-правовых отношений, внешнеполитических приоритетов Советской России, в порядок взаимодействия «власть-общество», «власть-религиозные институты». Это, естественно, не могло найти поддержки у властей: поэтому был невозможен его выезд

¹ Возможно, речь идет о крупном симбирском татарском промышленнике Ибрагиме Курамшевиче Акчурине (1859–1933).

² ЦА ФСБ РФ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 731. – Л. 10.

³ Там же. – Л. 5. (К сожалению, мы можем только предполагать о ком идет речь: в источнике нет указания на конкретное лицо).

⁴ ЦА ФСБ РФ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 656. – Л. 10.

⁵ Муса Джаруллах Бигиев. Избранные труды. В 2-х тт. Т. 2 / Сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. – Казань: Тат. книж. изд-во, 2006. – С. 11–17.

⁶ Имеются ввиду «Обращение к Великому Национальному Собранию Турции» и «Воззвание к мусульманским нациям» [Опубликованы: Там же].

⁷ Муса Джаруллах Бигиев. Избранные труды. В 2-х тт. Т. 1 / Сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. – Казань: Тат. книж. изд-во, 2005. – С. 92.

в 1923 году в Калькутту. Не исключено, что одной из причин ареста было стремление богослова выехать на данное мероприятие.

Поэтому, на первый взгляд, кажется совершенно нелогичным приезд М. Бигиева в качестве члена официальной делегации на Мекканский конгресс 1926 года. Как значилось в протоколах Конгресса: в работе десятого заседания, в воскресенье, 27 июня 1926 года впервые присутствовал, кроме прочих лиц, «Муса Бигиев, новый русский делегат, присоединившийся к русской делегации»¹.

Попытаемся ответить на вопрос: почему это стало возможным? По нашему мнению, сыграли свою роль изменение общественных взглядов самого Бигиева и жесткая позиция государственных органов. Действительно, после ареста 1923 года М. Бигиев старательно избегал открытых заявлений и публикаций в духе халифатизма, поддержки Турции. В отношении российского муфтията, его взаимодействию с обществом и государством М. Бигиев занимал позицию «модернистов», призывавших к сотрудничеству с Советами и невмешательству в политическую сферу, что вполне соответствовало интересам государства.

Широко известно, что российская делегация весьма успешно участвовала в работе мусульманского Мекканского конгресса 1926 года. Деятельность советской делегации, возглавляемой муфтием ЦДУМ Р. Фахретдином, «в значительной мере способствовала успеху последнего и в то же время содействовала провалу другого конгресса, который в противовес Мекканскому пыталось созвать в Каире египетское духовенство для избрания халифа... Сам Конгресс собственно был одним из первых шагов к внутренней интеграции мусульманского мира», — справедливо отмечает В. Романенко².

Однако для самих советских мусульман он не смог стать очередным объединительным этапом, несмотря на то, что он вызвал большой интерес верующих внутри страны. Как отмечалось в одном из документов ВО ОГПУ: «Делегация с Мекканского конгресса вернулась в Уфу 19/IX-26 г., для их встречи была выслана делегация в составе 6 человек. Доклад о Мекканском конгрессе был заслушан 24/IX. Присутствовало 300 человек мужчин и около 100 женщин. Доклад делал Тарджиманов, который описал подробно путешествие делегации и деятельность Мекканского конгресса. После доклада собранием было постановлено послать приветственные телеграммы Президиуму ВЦИКа и в Наркоминдел»³.

Отмечаемая в документах активность и интерес верующих к делегации ЦДУМ, вернувшейся из Мекки, напротив, стала одним из факторов, ускоривших подготовку антиисламского законодательства. Успех советской делегации вызывал раздражение, так как любые усилия, направленные на поддержание религиозности именовались «антисоветчиной»⁴.

¹ Романенко В. С. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века: Научно-исторический очерк. — Изд-во: НИМ «Махинур», Н. Новгород, 2005. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?3963> (дата обращения 16.11.2014).

² Там же.

³ ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 5. — Д. 327. — Л. 26.

⁴ Подробнее см.: Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке. — Самара: Офорт, 2013.

Анализируя международные контакты волго-уральских мусульман в начале и середине 1920-х годов (устойчивые связи имелись с единоверцами Германии, Турции, Финляндии, Японии, Персии, Средней Азии и других территорий), можно заключить, что они были устоявшимися (имели историческую основу), разветвленными и вполне могли быть использованы для реализации конкретных внешнеполитических задач. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствуют материалы подготовки к Калькуттскому (1923 год) и Мекканскому (1926 год) мусульманским конгрессам¹.

Постепенно формируется узкий круг лиц, которые представляли интересы Советской России на международных форумах. Эти национально-религиозные лидеры отвечали, кроме прочего, следующим критериям: наличие связей с исламскими элитами в странах Ближнего Востока и Центральной Азии, внешняя лояльность новому режиму; высокий уровень богословской и языковой подготовки и авторитет внутри российской уммы.

Архивные документы свидетельствуют, что государство всячески пыталось контролировать подготовку и деятельность Р. Фахретдина, К. Тарджиманова, М. Бигиева и других волго-уральских мусульманских деятелей на конгрессах и съездах. И несмотря на стремление мусульманской элиты Волго-Уральского региона заручиться поддержкой зарубежных держав в деле достижения своих национально-религиозных интересов, ограниченность кадрового потенциала, внутривнутриполитическая обстановка и усилия государства, направленные на блокирование тюрко-исламских проектов, могущих нанести урон национальной безопасности, сдерживали активность представителей российской уммы в сфере советской публичной дипломатии. Но, несмотря на указанные сложности, участие в подобных мероприятиях, переписка и обмен мнениями, безусловно способствовали усилению влияния этих лидеров как внутри страны, так и за ее пределами.

В начале 1920-х годов советские государственные и партийные лидеры стали четко осознавать задачу использования лояльных власти иерархов для налаживания контактов и усиления влияния Советской России в различных мусульманских странах и, с другой стороны, недопущения на мировые площадки, где обсуждалась судьба восточных государств и ислама, тех лидеров, которые могли ставить на повестку дня вопросы, «неудобные» для советской власти. Закономерно, что советские дипломаты, разведчики и контрразведчики с учетом этих обстоятельств оценивали вероятность использования связей представителей тюрко-мусульманской эмиграции (Гаяза Исхаки, Абдуррашита Ибрагима и др.), а также лояльных властям авторитетных лидеров (Ризаэтдина Фахретдина, Мусы Бигиева и пр.) для установления формальных и неформальных связей с исламской элитой за рубежом.

¹ ЦА ФСБ РФ. – Ф. 2. – Оп. 1. – ДД. 731, 690.

Литература

Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская эмиграция: начало XX века — 30-е годы: Исторический очерк. — Наб. Челны: Камский изд. дом, 1997.

Гусева Ю.Н. Российский мусульманин в XX веке. — Самара: Офорт, 2013.

Ислам и советское государство. Вып. 1: (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) / вступ. ст., сост. и коммент. Д. Ю. Арапова и Г.Г. Косача. — М.: Изд. дом Марджани, 2010.

Муса Джаруллах Бигиев. Избранные труды. В 2-х тт. Т. 1 / Сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. — Казань: Тат. книж. изд-во, 2005.

Муса Джаруллах Бигиев. Избранные труды. В 2-х тт. Т. 2 / Сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. — Казань: Тат. книж. изд-во, 2006.

Романенко В.С. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века: Научно-исторический очерк. — Н. Новгород: Изд-во: НИМ «Махинур», 2005.

Islam in Russia: genesis and evolution

ISLAMIC LEADERS OF THE VOLGA-URALS REGION AND PUBLIC DIPLOMACY OF SOVIET RUSSIA OF THE 1920S: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS

Yuliya N. GUSEVA

D. Sci. (Hist.), associate professor,
Samara Branch of Moscow City Teachers`
Training University (76, Stara Zagora str.,
Samara, 443081, Russian Federation).
E-mail: j.guseva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of participation of national and religious leaders of Muslims of the Volga-Urals region in the international Muslim Congress in 1920s. The author makes a conclusion about the nature and effectiveness of their activities in the context of foreign policy efforts of Soviet Russia in the Eastern and Western Europe.

Keywords: Russian Muslims, the Islamic elite, the Central Spiritual Administration of Muslims (TsDUM), East Division of the OGPU, the foreign policy of Soviet Russia.

